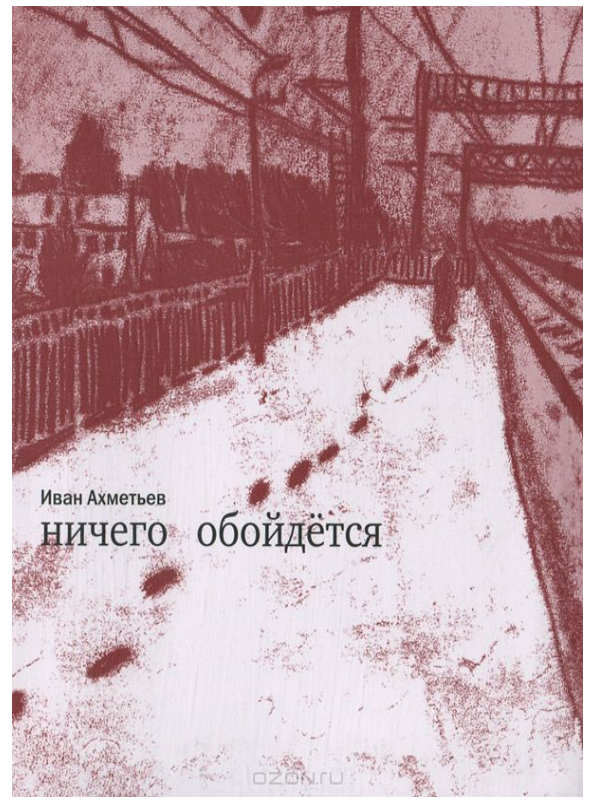

Ivan Akhmetev

Погоди

я посмотрю

как идут
облака

как идут дела

Wait

I'll see

how the clouds
are moving

how things are moving along

Мне очень нравится когда
Тепло и сыро. И когда
Лист прело пахнет. И когда
Даль в сизой дымке. И когда
Так грустно, тихо. И когда
Все словно медлит. И когда
Везде туман, везде вода.

1940

I like it very much when
The weather is wet and warm,
That rotten leaf smell. When
The distance is lit up by a haze
So sorrowful and silent. When
Everything moves slowly. And when
The fog is everywhere and water also.

Translated by Alex Cigale

Греми гром

Греми

Лей дождь

Лей

Кренись дерево

Кренись

Расти трава

Расти

Всё для меня

Do thunder

Thunder

Do pour

Downpour

Do bend

Tree

Do grow

Grass

All for my sake

Ялта.

Курзал.

Борьба за мир.

Камня на камне.

Только план, и тлен телевизоров.

Yalta

Train station waiting room

Fight for peace

Shattering everything

Only the state plan, and the ashes
of the TV sets.

это рифма, сволочь, гадит,
ты не верь ей, братик!

the rhyme, what a messy bastard,
don't trust it, brother!

Мы были здесь осенью,
когда всё пламенело,
и всё знаменело.

Но для зимнего леса
нужны только ватман и тушь,
только ватман и тушь...

We were here in the fall,
when everything was aflame,
when everything was bannered.

But for the winter forest
only ink and white paper are needed,
only ink and white paper...

Кремль кремль

Kremlin kremlin

Нерль Нерль

Nerl Nerl

Строили
На Нерли

They were building
On Nerl

Построили
На Нерли

They had built
On Nerl

Они
Померли

They
Died

А мы
Я не помню

And we
I don't remember

Москва. Метель.
Скрип петель.
Москва. Отель.
Вид от отеля.

Drifting snow.
Creaking and slow.
The hotel hinges.
The view below.

Пойду домой, пожалуюсь маме,
Что луна зажата двумя домами.

I'll go home and complain to my mama
That the moon is squeezed by two houses
Oh its drama

- Когда вернешься? — спросила мама.
- Когда людей станет мало.

When are you going to be back, asked my mother.
“When there’d be fewer people pushing one another.”

Христос воскрес

Christ is risen

Воистину воскрес

Truly He is risen

Что и требовалось

The statement is still in need of

Доказать

A proof

1970-1980

* * *

искусственные елки хороши
вот только жаль
что они не осыпаются

fake christmas trees are good
what a pity though
they don't shed their needles

* * *

неподвижность
часовой стрелки

the immobility
of an hour hand

* * *

я выключил свет
на этом кончился день

i turned off the light
this ended the day

* * *

КУВШИН ВОДЫ
И ВОЗМОЖНОСТЬ УЙТИ

a jug of water
and a chance to leave

* * *

приятно
руку
положить на стол

a pleasure
to rest
an arm on the table

* * *

куда нам спешить
спешить нам некуда

where we are hurried off to
nowhere we need to hurry

я никогда не спешу

I never hurry

* * *

я встретил двух маленьких близнецов
и хотя они были совершенно одинаковы
посмотрел на меня
только один

I encountered two little twins
and although they looked exactly alike
only one of them
looked at me

* * *

окна окна
и в каждом
хочется пожить

windows windows
and in every one
i'd like to be living

* * *

прошу прощения
вас и так много
а тут еще я

i beg your pardon
there are so many of you
and here i come along

* * *

я не люблю открытого цинизма
я не люблю марксизма-ленинизма

I don't like obvious cynicism
I don't like marxism-leninism

* * *

история нас рассудит
если она еще будет

if history is still around
it will judge us

* * *

ГОТОВИТЬСЯ К ЗИМЕ
может быть, и к войне

get ready for winter
maybe for war

1980 – 1985

* * *

пауза

которую я сделаю
прежде чем ответить
скажет вам больше

the pause

i make
before answering
will tell you more

* * *

камни существуют
деревья растут
звери живые
я думаю
Бог есть

stones simply exist
trees are growing
beasts are alive
i think
God is

* * *

были попытки
которые
не получив развития
превратились в события

there were attempts
that
didn't fully develop
and turned into events

1985 - 1992

* * *

пиша в темноте
не заметил
что ручка не пишет

writing in the dark
i didn't notice
the pen doesn't work

* * *

если б мы были рыбы
мы бы плавали

if we were fish
we would swim

если б мы были птицы
мы бы летали

if we were birds
we would fly

но мы люди
и мы валяемся в постели

but we are human beings
and we sleep in

* * *

Москва

Moscow

снегопад

falling snow

сто лет назад

a hundred years ago

* * *

в нашей тюрьме
они чувствуют себя
как дома

in our prison
they feel
at home

1993 - 2001

* * *

зимой не отличишь
живые деревья
от мёртвых

in winter you can't tell
living trees
from dead ones

* * *

я потому так и пишу
что по другому не умею

that's the way i write
and no other i can

я потому так и умею
что по другому не пишу

that's the way i can
and no other i write

* * *

«я пишу мало
но я пишу непохоже на
других»

мама сказала:
«не хвастай
пусть будет похоже на других
но побольше»

* * *

Хлебников – наш отец

Хармс – наш учитель

Христос наш Спаситель

"i write little
but unlike
anyone else"

my mother said
"don't boast
maybe you will write like others
but more"

Khlebnikov is our father

Kharms is our teacher

Christ our Savior

* * *

сигареты, спички,
ручка, очки,
ключи, часы,
кошелёк, платок,
записная книжка, проездной –
всё со мной

поесть, поспать
и почитать,
полечиться
и помолиться

cigarettes, matches,
glasses, a watch,
keys, and a wallet,
handkerchief, pen,
notebook, everything –
i need for traveling

eat up, sleep well
and read,
get healthy
and say my prayers

* * *

не здесь

то есть

не сейчас

и не сразу

но обязательно

* * *

лучшая музыка в жизни

в хороший вечер
дети моего поколения
играют во дворе

not here

that is

not now

and not right away

but for sure

the best music in life

on a sweet evening
the children of my generation
are playing in the courtyard

* * *

Купаться запрещено
но утки
не слушаются

Swimming is forbidden
but the ducks
ignore the prohibition

* * *

ноябрь
на замёрзшем поле пруда
вороны гоняют мяч

november
on the frozen field of the pond
crows are chasing a ball

* * *

новое поколение выбирает
старое поколение выпивает

the new generation chooses
the old generation boozes

* * *

семья
это все те
на кого вы сердитесь

family
are all those
who get you angry

2002 -

* * *

на это не смотрите

это для себя

don't look at this

it's for me

* * *

я как Микеланджело
чищу картошку
снимаю всё лишнее

like Michelangelo
when i peel a potato
i remove what's superfluous

Tatiana Neshumova

Татьяна Нещумова

СЧАСТЛИВАЯ ТВОЯ ВНУКА

КАЧЕЛИ

Качели старые скрипят, как будто бы мычат коровы.
И тихо так, что из окон высовываются жильцы.
А я на цыпочки встаю и в небо улетаю.
Глаза сухие у меня, как будто трактор их ровнял.
Потом соскальзываю вниз. Как хорошо, что есть земля.
Ни для кого. Ни для меня. Но есть. И это хорошо.
Потом несет меня асфальт. Потом несусь сама.
Дома похожи на дома. Качели в спину мне скрипят.
Я оборачиваюсь. Там - коровы синие скрипят,
Качели мудрые мычат - и я реву навзрыд.
И тихо так, что каждый всхлип - как будто сотни
бубенцов,
Как будто тысячи коров со мной ревут теперь.
И я, закрыв глаза рукой, рукою голову верчу.
Дома похожи на дома. Качели в спину мне скрипят.
Я знаю: миг - и я лечу! Сама! Сама! Сама!

THE SWINGS

The old swings creak, as if they were cows lowing.
And so quietly that the neighbors lean out their windows.
But I get up on tiptoe and go flying into the sky.
My eyes are dry, as if a tractor had leveled them.
Then I slide off on the downswing. Solid ground feels good.
Not just for anyone. Not just for me. But it's there. Good.
Then the pavement holds me up. Then I hold myself.
The houses are like houses. The swings creak behind me.
I turn around. There, deep blue cows are creaking,
The swings in their wisdom low — and I howl out loud.
And so quietly that each sob is like hundreds of little
bells,
As if thousands of cows are howling with me now.
I cover my eyes with my hand, with my hand I turn my head.
The houses are like houses. The swings creak behind me.
I know: In an instant I'll be flying! By myself! By myself!

SUB CAELO

1

Кусочек дня, в котором алфавит
не нужен, потому что тучи,
брутальные, как фильмы Бертолуччи,
рассеялись, и небо говорит.

2

Со мною небо говорит,
Горит и обещает чуда.
Горит и пламенем зари
Сюда обращено - оттуда.

3

Буду лежать и смотреть на кусочки небес.
Радость и грусть шевелить кандалами словес.

SUB CAELO

1

A little piece of the day in which an alphabet
is not needed because the storm clouds,
as brutal as Bertolucci movies,
have dissipated, and the sky is talking.

2

The sky is talking to me,
It burns and promises miracles,
Burns with the flame of dawn
Drawn from here, from there.

3

I will lie down and look at the pieces of heaven.
And shuffle joy and sadness shackled by words.

* * *

В большой моей голове
Влачилась зима.
И была голова величава.
Но какой-то старик
С голубыми глазами, грудной,
Промолчал мне, что слеп.
И мы побежали к нему домой.
И я поцеловала
Большую голову его
И белоснежный рот.
Уж год прошел, как он умре.
А с Рижского вокзала
Зима - бывает, что придет,
Бывает, что и нет.

In my enormous head
Winter dragged itself along.
And the head was majestic.
But an old man
With blue eyes, chesty,
Said nothing to me of being blind.
And we ran off to his house.
And I kissed
His enormous head
And his snow-white mouth.
Already a year has passed since he died.
But winter — as it happens,
Will arrive from the Rizhsky Terminal
As it happens, or not.

* * *

А если вы красивые - знакомьтесь на улицах!
А если некрасивые - пишите диссертации!
А если диссертации у вас не получаются,
То занимайтесь творчеством - пеките пироги!
А если недосолите иль маслом недомажете,
Звоните мне - я добрая, красивая, хорошая,
Я к вам приеду тотчас же и испеку пирог.
А если вы, красивые, со мной не познакомитесь,
А если вы, ученые, со мной не пообщаетесь,
А если вы, кондитеры, всласть Таню не накормите,
То что, скажите, делать мне? Как жизнь свою прожить?

If you're good-looking — let's hook up together!
If you're bad-looking — write a dissertation!
And if your dissertation isn't accepted,
Then do something creative — say, take up baking!
And if what you bake needs butter or salt,
Then call me — I am sweet, good-looking, saintly,
I'll come to you right away and bake it for you.
And, good-looking, if you don't want to meet me,
And, doctor egghead, you don't want my company,
And, candy man, you don't want to feed your Tanya,
Tell me, what should I do? What should I make of my life?

* * *

Вот ходит птица воробей.
Она умеет быть нептицей.
В то время как, ее свидетель,
Я не умею просто быть.

See the bird a sparrow walking by.
It knows how to be unbirdlike.
And, while I may be a witness to this,
I do not know how simply to be.

БУКВЫ

Как давно меня звали к себе
Неподкупные черные звери.
Было время - они для меня
Открывали не пасти, а двери.

Не как друга, а как пастуха,
Как трудягу, себе на подмогу
Призывали. И я понемногу
Научалась быть равной себе.

А сейчас, ну чего ж ты молчишь,
Старичок, неподкупный сверчок,
Кто тебе прикусил язычок?
Сам себе прикусил язычок?

В темноте, где дыханье детей,
Слышно мне и дыханье твое.
Но тебя, как и их, повернув на бочок,
Усыпляю я, старичок.

LETTERS OF THE ALPHABET

How long have they called me to themselves
These incorruptible black beasts.
There was a time when they opened for me
Not their jaws, but a door.

They called out to me, not as a friend,
But as a shepherd, a laborer,
to lend a hand. And I learned little
By little to be equal to myself.

And now, well, why don't you say something,
Old man, incorruptible cricket —
Who bit your tongue?
You bit your own tongue?

In the darkness, where the breath of children,
Is audible to me in your breath.
But you, like them, turned on your side,
I lull you to sleep, old man.

* * *

В какое-то заброшенное платье
Заброшенное тело погружу
И выдохнусь. И путь освобожу.
И между мной и прочими людьми
Связь установится деревянная.
И пойдет дождь лить по дороге.
Там, где липы цветут и цикорий.
О каком горе может идти речь?
Ни о каком горе.

In a discarded dress
I'll envelop my discarded body
and be worn out. I'll open up a way.
And between other people and me
Establish a wooden relationship.
And rain will pour all along the road.
There, where linden and chicory flower.
What grief can we talk about?
No grief at all.

* * *

Мне еще невозможно почувствовать этот простор.
Что за жизнью моею простерт навсегда.
Просто я устаю. Просто злая вода
С облаков, и с тобою пустой разговор.
Запахнись и молчи. В этом мире отцов и сестер
Как легко мне тебя просто так понимать
И слова твоей речи, как уголь, мешать,
Раздувая костер...
Быть на кухне и ужин невкусный варить.
Может быть, я пишу манифест реализма?
И с тобой без тебя или просто с собой говорить.
Или сюрреализма?

It's still impossible for me to get a feeling for this space
Which after my life will stretch out eternally.
I'm just tired. Nothing but nasty water
From the clouds, and empty talk with you.
Wrap it up and be quiet. In this world of fathers and sisters
How easy it is for me simply to understand
The words of your speech, like an ember mixed in,
Fanning the fire ...
Being in the kitchen and cooking a tasteless dinner.
Maybe I'll write a manifesto of realism?
Talking to you or not to you or just to myself.
Or of surrealism?

Воробей Катулла не для меня -
Пес мой Шустрик был человек страстей.
На полу на кухне при свете дня
Мы сидим в обнимку, забыв детей.

Вот он, камешек смерти, в окно влетел —
и, как миленький, с нами на том полу
лег и не знает, чего хотел
и кто там стоит в углу.

Вот и ты посиди, временной дружок,
посмотри в окно: воробей-катулл
с головой, остриженной в кружок,
в синем воздухе утонул.

That sparrow in Catullus is not for me —
My dog Shustrik was a creature of passion.
On the floor in the kitchen in the light of the day
We sit hugging, the children forgotten.

It flew in the window, a pebble of death —
and, like a dear little thing, lay down with us
on the floor without knowing what it wanted
and who is standing there in the corner.

Sit for a while, my temporary friend,
Look through the window: a sparrow-Catullus
with its head trimmed into a buzz-cut
has drowned in the deep blue air.

Mikhail Aizenberg (born 1948)

У щеки проснулась слабым ветром
крохотная бабочка ночная.
Перышком летает незаметным,
чем-то о тебе напоминая.

Что-то написала, начертила, -
в зрительном движении нерезком
светопись почти неощутима
за бесцветным платиновым блеском.

Бедное трепещущее нечто.
Но в беззвучной тьме неотразима.
Только с нею тьма не бесконечна
и почти приветлива, - спасибо.

A light breeze on the cheek, no,
a tiny moth has come awake,
And flies like a negligible feather
reminding me of something about you.

It is scribbled, outlined something
in a dim visual movement,
A lights script nearly imperceptible
beyond a pallid platinum glimmer.

A pale, quivering trifle still
irresistible in the soundless darkness.
Because of it, the dark is not endless
Indeed, nearly welcoming—thank you.

Translated by J. Kates

I
Человек, пройдя нежилой массив,
замечает, что лес красив,
что по небу ходит осенний дым,
остающийся золотым.

Помелькав задумчивым грибником,
он в сырую упал траву
и с подмятым спорит воротником,
обращается к рукаву.

II
Человек куда-то в лесу прилег,
обратился в слух, превратился в куст.
На нем пристроился мотылек.
За ним сырой осторожный хруст.

Человеку снится, что он живет
как разумный камень на дне морском,
под зеленой толщей великих вод
бесконечный путь проходя ползком.

И во сне, свой каменный ход храня,
собирает тело в один комок.
У него билет выходного дня
в боковом кармане совсем промок.

I
Once a man, trespassing where no one lives,
sees how lovely the forest is,
that the autumn sky all consists of flocks
of trespassing it golden fog.

Lost in thoughts, he first a few mushrooms picks,
and then falls into fallen leaves.
To his crumpled collar he calmly speaks,
has an argument with his sleeves.

II
Once a man lied down in the woods in moss,
he became all ears, he became a branch.
On him, there has settled a little moth,
Behind, the soggy and wary crunch.

While the man is sleeping, he lives (he thinks)
on the ocean bed, as a thinking stone,
under water layers, so green and thick,
all his endless life creeping on and on.

And the man, maintaining his creeping sleep,
pulls together his body, his neck, his head.
In his outer pocket, a one-way-trip
Sunday ticket has gotten completely wet.

Translated by Aleksandr Givental

* * *

Заросшее травую озерцо
следит за комариной пляской.
День марлевой ложится на лицо,
а вечер влажною повязкой.

Перебеляя воздух, дождик-вязь
чуть сеется из вечного запаса.
И целый день, почти не шевелясь,
стоит его рассеянная масса.

An over vegetated little pond
is watching bugs' extravaganzas.
The daytime lays a dressing gauze upon the face,
and night a wetting canvas.

The drizzle-font, clean-copying the air,
is faintly sown from the eternal storage.
And all day long, with little movement,
there is musing its disseminated tonnage.

Translated by Aleksandr Givental

Dmitrii Vedeniabin (born 1959)

Там хорошо, где нас нет:
В солнечном лесу, в разноцветной капле,
Под дождем, бормочущим "крибле-крабле",
В зелени оранжевой на просвет.

На краю сиреневой пустоты
Человек, как черточка на бумаге.
Летчик, испугавшийся высоты,
Открывает глаза в овраге.

Воздух скручивается в петлю
По дуге от чужого к родному.
Человек произносит: "Люблю!"
И на ощупь выходит из дому.

Ночь, как время, течет взаперти.
День, как ангел, стоит на пороге.
Человек не собьется с пути,
Потому что не знает дороги.

1992

It is good where we are not:
In the sunny woods, in a colorful drop,
In the rain that murmurs "Krible Krable,"
In the greenery, orange in the light.

On the edge of the lilac void
A person is like a mark on paper.
A pilot frightened by the height
Opens his eyes in a ravine.

The air twists into a loop
Along the arch from alien to own.
The person utters, "I love,"
And feels his way out of his home.

Night, like time, flows in confinement,
The day, like an angel, stands on the threshold,
The person will not go astray
Because he knows not the way.

Памяти пятидесятих

Сквозь белый день цветные пятна, где —
Казалось люди, оказалось время —
Со всеми вместе в снежной чехарде,
Тогда — почти, сейчас — совсем со всеми...

Сквозь черное июльское окно
Лос-Анджелес светился как в кино;
Гостиница переливалась ало,
Дымилась сигарета, и вино
Мерцало.

Любовь, надежда, нежность, страсть и страх,
Как Бим и Бом, сражались с темнотою,
Той, где отель, и той, где снежный прах,
Но комната уже была пустою.

Немного мелодраматично, но
Тут ничего поправить не дано,
Молитвенными не прожечь словами
Разворошенный этот уют,
И только слезы что-то могут тут
И там, как в настоящей мелодраме.

In memory of the 1950s

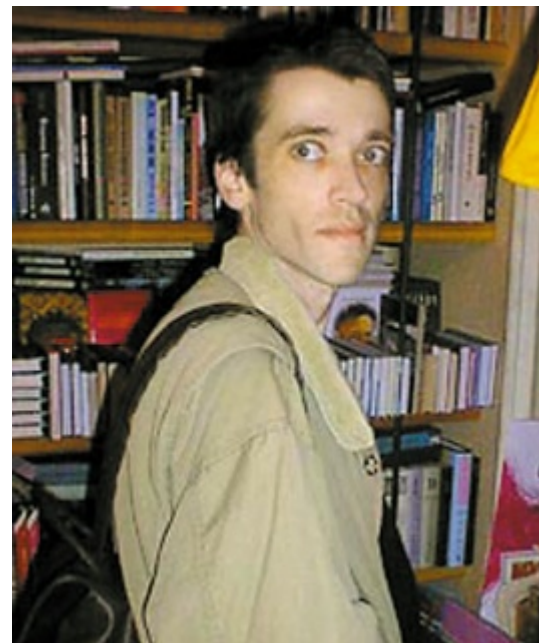
Motley spots throughout the white day, where
What appeared to be people turned out to be time—
Together with everyone in the bustle of snow,
Then—almost, and now—altogether.

Through a black window in July,
Los Angeles shone as if in a movie;
The hotel was a glittering scarlet,
The cigarette smoked, and the wine
Was shimmering.

Hope, faith, tenderness, passion, and fear,
Like Bim and Bom, were fighting the darkness
Of the hotel and of the snow dust,
But the room was already empty.

A bit melodramatic, but
You can't do anything to fix it,
The words of prayer will not burn
Through this scattered uncoziness,
And only tears have some power here
And there, like in a real melodrama.

Grigorii Dashevskii (1964-2013)

КОВЕР

"Давай, ты умер" – "Да сколько раз
уже в покойника и невесту" –
"Нет, по-другому: умер давно.
Пожалуйста, ляг на ковер, замри.

Нету креста, бурьян, но я
бываю и приношу букет.
Вот чей-то шелест – не твой ли дух:
я плачу, шепчу ему в ответ" –

– "Лучше я буду крапива, лопух:
они лодыжки гладят и щиплют.
Новое снизу твое лицо –
шея да ноздри да челка веером".

1996

The Rug

"Play dead." "But aren't you sick
Of doing the corpse and the bride" –
"No, I mean — you've been dead a while
Try it, lie on the rug, be still.

There's no cross, wild grass, still I
With flowers your grave adorn.
I hear a rustle — your ghost, perchance:
And I'm whispering back, I mourn" –

"I'd rather be a burdock, a thorn,
They caress and scratch your calves
From down here your face is new –
Neck 'n' nostrils and the waving bangs."

КАРАНТИН

Тот храбрей Сильвестра Сталлоне или
его фотокарточки над подушкой,
кто в глаза медсестрам серые смотрит
без просьб и страха,

а мы ищем в этих зрачках диагноз
и не верим, что под крахмальной робой
ничего почти что, что там от силы
лифчик с трусами.

Тихий час, о мальчики, вас измучил,
в тихий час грызете пододеяльник,
в тихий час мы тщательней проверяем
в окнах решетки.

1996

QUARANTINE

More courageous than Sylvester Stallone
or at least his picture above the pillow
is the one who stares in the nurses' pupils
with no pleas nor fears,

but we scan those eyes for a diagnosis,
and we can't believe that under the covers
of that starchy robe there is almost nothing,
at best – some undies.

Daily naptime, boys, oh that is your torture,
daily naptime sees you biting your blankets,
during naptime watchfully we examine
the bars on the window.

“МОСКВА – РИГА”

Мы Луне подчиняемся,
мальчик мы или девочка.
В честь Луны спой-ка, девочка,
вместе с мальчиком песню:

мы не помним из школьного
курса по астрономии
ни твое расстояние,
ни орбиту, ни фазы,

но ты *на*поминаешь нам
о себе то приливами
крови или балтийскими,
то ума помраченьем

и за окнами поезда
мимо изб и шлагбаумов
ты летишь вровень с бледными
лицами пассажиров –

шли и впредь своевременно
в дюны соль сине-серую,
по артериям – алую,
нетерпенье – маньяку.

“MOSCOW-RIGA”

Of the Moon we are followers,
both a girl and a boy, alike.
Sing a song, girl, to honor Her,
let a boy sing beside you:

we are bad at remembering
from our class in astronomy
your rotation velocity
or your orbit, or phases,

but you make yourself obvious
by the ebbs and the flowing tides
of the blood and the Baltic Sea,
or eclipsing our reason,

on the train with the passengers'
pale faces you navigate
past the huts and the signal lamps
outside of the window –

keep on sending reliably
blue-grey salt to the sandy dunes
the red one through the arteries
restlessness to the maniac.

Близнецы, еще внутри у фрау,
в темноте смеются и боятся:
"Мы уже не рыбка и не птичка,
времени немного. Что потом?
Вдруг Китай за стенками брюшины?
Вдруг мы девочки? А им нельзя в Китай".

1996

Twins are as of yet inside the Frau,
They are laughing, worrying in the darkness:
Now we're not a fishie or a birdie;
Not much time is left for us. What's next?
What if China looms beyond peritoneum?
What if we are girls? They aren't allowed in China.

Aleksandr Gashek (1946–1993)

игра

стояли у окна она сказала
есть детская забытая забава
кто счастливей
играют двое правила простые

найди в толпе беременную женщину
быстро сосчитай раз
и ты счастливец
ну что играем начинай

здесь нет толпы заметил он
она: ах боже мой считай скорей считай
и застыдилась
отступила в тень

я белым камешком отмечу этот день

the game

as they were standing by the window she said
I'll teach you a forgotten children's game
who is lucky
a game for two players rules are simple

spot a pregnant woman in the crowd
quickly say bingo
and you are lucky
well shall we play you start

there's no crowd here he observed
she: oh my God just say it say it now
and then she blushed
stepped back into the shade

a white stone day

Aleksandr Denisenko (born 1947)

снег снег снег снег снег снег снег снег снег снег

это кажется метель пурга
все уляжется уйдет в снега
мерзлый тополь отойдет ко сну
в бесконечную свою страну
ешь откусывай хрусти вино
пока вьюги на Москве гостят
это мертвые давным-давно
с неба девушки летят летят

snow snow snow snow snow snow snow snow snow snow

what is seemingly a tempest now
will calm down sink to rest in the snow
chilled throughout, the poplar tree is adrift
to its infinite domain of dreams
take a bite, eat up and crunch, have some wine
while the blizzards are in Moscow staying
these are maidens dead for long, long time
gliding down, gliding down from heaven

Anton Surnin (born 1975)

Зачеркнутому верить.
Зажженное курить.
Небритое – намылить.
Намыленное – брить.

Побритому – одеться.
Одетому – идти.
И нет числа дорогам!
И нет конца пути!

What's crossed out is valid.
What's lit is to be smoked.
The stubble has to be lathered.
It's lathered - shave it off.

Once shaved, put on your clothes.
Once dressed, get on your way.
There's no lack of roads!
The journey has no end!